

нужным, интересным! И лица, и слова, и интонации, и истории, и судьбы. Но ни волнение, ни трепетное преклонение перед героями своих программ ведущего не оставляют. И душевные муки, увы, не заканчиваются, когда приходит время монтажа — «великого телевизионного монстра», как называет его Заволокин.

Монтируют получасовую программу порой по неделе. Резать приходится «по живому». Однажды автор отошел из монтажной на полчаса, а ре-

Увидев тысячи конвертов с письмами зрителей, народный артист испугался: что это — катастрофа или... счастье?

жиссер смонтировал на свое усмотрение. Посмотрел Заволокин: нормально, но... Что-то важное осталось за кадром. Монтируют заново. И — другое дело! Краснодарский «дед Шукар» говорит-таки в эфире про одиннадцать правнуков и про свою женитьбу, которой помогла гармонь: «Батяка мне каже: «Не горюй, найдется дура такая, что пойдет за гармониста!». А потом дед пляшет воробышком.

«Сколько стоит один дубль? Уж, конечно, не рубль», — поет в частушке Заволокин, ведь все, что зарабатывает на концертах, гастролях, на издании своих книг, аудиокассет, лазерных дисков, вкладывает, в программу. И было дело — хотел однажды все бросить, осесть наконец в Новосибирске, где дом, родня, да не смог, не посмел.

«Я человек православный, — говорит Заволокин. — У меня «комплекс» православного богатства, когда не деньги определяют личность, а что-то другое. Это и есть шкала ценностей — сохранить себя, свое сердце. Надеюсь это видно на экране».

Ненавидит он, когда кто-то из «уж больно современных» начинает ерничать и издеваться над гармошкой, народным творчеством и теми, кому это по-прежнему дорого. Поэтому и в команде не потерпел бы таких. А во-

обще-то делают программу, можно сказать, семейным подрядом: рядом — родной брат, жена Светлана, дочь Анастасия, сын Захар и зять Владимир. Вместе терпят все лишения. Снимают программу сразу несколько региональных телекомпаний. Если бы не операторы Вячеслав Иванов из Владивостока, Евгений Евстигнеев из Челябинска, Дмитрий Мелкомук из Перми, Николай Лещев из Новосибирска и москвичи Сергей Гаврилов и Виталий Пересыпкин, то и не было бы Самой Народной Телепередачи на нашем телевидении, которую в этом году ОРТ выдвинуло на соискание Государственной премии и номинировало на телевизионную премию ТЭФИ.

«Десять тысяч человек — немного влево. А вы, первые двадцать рядов, — чуть ближе, пожалуйста. Все, начали!»

Все бы хорошо, да только с каждой телевизионной съемки возвращается группа с занозой в сердце: жалко нашу провинцию — плохо там. Но народ удивительный: все плохо, а возьмут в руки гармошку — и все вроде бы ничего, жить можно.

«Снимали как-то гармонистов на московской улице. Подошел к нам угрюмого вида мужчина и спросил: «Чего разыгрались? Жизнь вон какая... С чего веселиться-то?». На что пожилая женщина, стоявшая поблизости, ответила: «Пусть играют! Им чудачества не расхотелось. А кто чудит, тот выживает».

«Пусть играют! Им чудачества не расхотелось. А кто чудит, тот выживает».